

Рахманинов Сергей
Васильевич
(конкурс пианистов)

9.2.02

С превеликим

удовольствием ходил
на Рахманиновский

конкурс пианистов,

что завершился неделю
назад в Москве.

Когда слушал прекрасную

музыку в хорошем

исполнении, то и мысли

приходили хорошие —

о хорошем. Их я оставляю

при себе. Когда же мне

казалось, что у музыкантов

что-то не ладится,

да и в паузах-антрактах

приходили тоже неплохие

мысли, но — о дурном.

Ими-то я готов поделиться.

ОБОЖАЮ внимательно изу-
чать программки. А уж солидный
буклет, красиво изданный к этому
международному конкурсу, шту-
дировал тщательнейшим образом.
И нашел в нем немало любопыт-
ного и поучительного. Вот, напри-
мер, сопоставил состав жюри и
состав конкурсантов.

Председатель жюри — профес-
сор Московской консерватории
Виктор Мержанов; член жюри
Юрий Слесарев — ученик* Мержа-
нова; секретарь жюри Юрий Ди-
денко — ученик* Мержанова.

Теперь посмотрим на список
участников. Владислав Башкиров —
студент профессора Ю. Слесаре-
ва; Анаит Карпова — выпускница
консерватории по классу В. Мер-
жанова; Светлана Низамутдинова —
студентка В. Мержанова; Цзида
Садакацу (Япония) — учился у
В. Мержанова, а нынче его ассис-
тент-стажер; Елена Ульянова —
была ассистентом-стажером у
В. Мержанова; Шаньшань Цзинь
(Китай) — студентка Ю. Слесарева.

Как интересно! Совершенно не
хочется этими «пересечениями»
объяснять первую премию японс-
кого пианиста, равно как и непопа-
дание в финал остальных упомяну-
тых молодых пианистов. Но зачем,
спрашивается, вообще допускать
возможность такой связи? Разве не
знает всякий образованный чело-
век, что никто не может быть су-
дьею в собственном деле? (Между
тем оценка своего ученика, уча-
ствующего в конкурсе, — это в ко-
нечном счете не что иное, как вы-
несение судебного вердикта по
своему делу!) Неужто так важно
засесть в жюри конкурса, где иг-
рают твои ученики? И какие слож-
ности — взять да и пригласить для
этого, скажем, коллег из Питера?
Нынче это, кажется, модно.

Объяснение — мол, когда ре-
шается вопрос об ученике члена

*Разумеется, не в школярс-
ком смысле слова. Даже став
известными, авторитетными му-
зыкантами, наверняка эти люди
справедливо продолжают счи-
тать себя учениками замечатель-
ного пианиста и педагога.

Член жюри, а не судья — почему?

Моск. правда. — 2002. — 9 февр.

жюри, тот не участвует в голосо-
вании — слишком похоже на оправ-
дание. Может быть, и оправдывать-
ся-то не в чем, но зачем же дово-
дить ситуацию до необходимости
оправдываться?

Не поручусь, но кажется мне,
что подобная нелепость бывает
только на музыкальных конкурсах
в России (а прежде — в СССР). И
не раз это приводило к скандалам
— на равном месте. За рубежом
такого не позволяют, не желая
ставить себя в двусмысленное по-
ложение, да и о репутации учени-
ков пекутся.

НЫНЧЕ не принято говорить по
бумажке, чай, не советские зас-
тойные времена. Но иной раз и
пожалеешь, что у оратора перед
глазами текста нет. Вот на торже-
ственном закрытии замминистра
культуры (небось, нервничала) ска-
зала: «Волновались событию».

РИСКНУ покуситься на вековые
традиции музыкальных жюри.
Странным представляется мне, что
они вообще обсуждают игру кон-
курсантов. Ведь если отбросить
напускное, что есть обсуждение?
Это корректировка собственного
мнения и собственной оценки под
влиянием мнений коллег... Пред-
ставляю, какой гнев вызову на свою
голову, однако же замечу, что
куда справедливее не жюри, а су-
дейская коллегия. Как в спортив-
ных соревнованиях, которые впол-
не сопоставимы с музыкальным
конкурсом: скажем, в гимнастике
(особенно художественной), в фи-
гурном катании на коньках, в кон-
ном спорте (выездка). Почему бы
вместо обсуждения и голосования
(в котором якобы помалкивают за-
интересованные лица) не выстав-
лять именные оценки сразу после
исполнения? Отзвучала последняя
нота, отгребели аплодисменты — а
вот и оценки каждого судьи. Все
видят и все знают, кто кому что
выставил. Можно и по десятибал-
льной шкале с десятными долями.
Потом наивысшие и минимальные
оценки отбросить, а остальные слож-
ить — достаточно объективный по-
казатель будет.

Копи возразят: «Нигде такого
нет!», отвечу: когда-то и музыкаль-
ных конкурсов не было. Однажды
все случается впервые. Во всяком
случае для состязания, хотя бы и

творческого, куда более подходят
принципы, проверенные в спорте.
И высокомерие тут неуместно.

НА ПЕРВЫЕ два тура вход в
Малый зал консерватории был сво-
бодный. А на третий тур — в Боль-
шой зал — по билетам. Покупая их
в кассе, каждый раз видел одних и
тех же молодых людей, продавав-
ших билеты за рук: десятирублевый
билет — за десять рублей, двадца-
тирублевый — за двадцать... Какая
в том выгода? Не знаю. Зато уве-
рен, что без прибыли торговли
(тем паче с рук) не бывает.

ЗРИТЕЛИ в зале, само собой,
разные. Но преимущественно либо
пожилые люди, либо молодые, в
которых легко угадывались консер-
ваторские студенты. А вот юношей
и девушек школьного возраста по-
чти не видел, хотя всматривался
пристально. Как же так! Рахмани-
новский конкурс — безусловно, со-
бытие. Билеты — дешевле бутылки
пива или шоколадки. Почему, ну
почему учащиеся музыкальных
школ не ходили на конкурс?! Тут
даже «не проходит» ссылка на не-
достаточную рекламу, ибо о таком
конкурсе преподаватели музыкаль-
ных школ и без рекламы обязаны
знать загодя. Как не порекомен-
довать, не посоветовать, в конце
концов не заставить?

Будь моя воля, я бы тем пре-
подавателям игры на фортепиано,
ученики которых на конкурсе ни
разу не побывали, уполномочил бы
зарплату за февраль. В воспита-
тельных целях и в качестве предуп-
реждения о неполном служебном
соответствии.

К СОЖАЛЕНИЮ, человек я
куражий. И, как успел заметить,
среди меломанов много таких же.
Идя от метро или от автопарков-
ки, дымят помаленьку, а возле две-
рей консерватории вдруг начинают
нервничать и суетиться. Понятное
дело, окурков надо бы в урну мет-
нуть, не промахнувшись — все же
культурная публика... Однако же
все заканчивается тем, что воро-
вато бросают куда-нибудь за ко-
лонну. Ведь нету возле входа в
Большой зал консерватории урн.
Ни одной! Можете посмеяться
надо мной, но, думаю, во всем
этом есть какая-то связь...

Леонид ГВОЗДЕВ.